
НИКОЛАЙ ЗАХАРЧЕНКО

АЛЕКСАНДР ИГНАТЬЕВИЧ
ТАРАСОВ-РОДИОНОВ

Николай Захарченко

**Александр Игнатьевич Тарасов-
Родионов (страницы биографии)**

«Пробел-2000»

2012

Захарченко Н. М.

Александр Игнатъевич Тарасов-Родионов (страницы биографии) / Н. М. Захарченко — «Пробел-2000», 2012

Известного в начале XX века прошлого столетия активного участника Февральской и Октябрьской революций, Гражданской войны, писателя А.И. Тарасова-Родионова сегодня мало кто помнит. А было время, когда в 1922 году, после выхода в свет, его повесть «Шоколад», взбудоражила не только всю Москву, но и страну. Повесть выдержала при жизни писателя пять изданий. Он задумал написать и выпустить в свет трилогию «Тяжелые шаги» о событиях 1917 г., включающую в себя три романа-хроники: «Февраль», «Июль», и «Октябрь». «Февраль» и «Июль» он издал, а третью книгу выпустить не успел. Тарасов-Родионов сделал неплохую военную карьеру, занимал ряд должностей, которые сейчас приравнены к генеральским. Командовал дивизией, штабом 2-й Конной армии, был личным секретарем у И.В. Сталина на Западном фронте. Награжден орденом Красного Знамени. Работая после увольнения из армии в Госиздате, был одним из последних официальных лиц, беседовавших с поэтом Сергеем Есениным перед его роковой поездкой в Ленинград, о чем оставил для потомков свои воспоминания: «Последняя встреча с Есениным». По согласию с наследниками творчества писателя, мы приводим в этой книге их в качестве приложения. Судьба, к сожалению, не лишила его участи многих современников. В 1938 году Александр Игнатъевич Тарасов-Родионов по ложному доносу был арестован и репрессирован. Реабилитирован в 1956 году.

© Захарченко Н. М., 2012

© Пробел-2000, 2012

Содержание

Страницы биографии	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Николай Захарченко Александр Игнатьевич Тарасов-Родионов

Страницы биографии

Известного в свое время писателя, публициста, общественного деятеля, активного участника революционных событий начала двадцатого столетия в России Александра Игнатьевича Тарасова-Родионова сейчас мало кто помнит. Его имя предано забвению. И только в начале нового столетия о нем немного заговорили. И то в большей степени в связи с жизнью и творчеством русского поэта Сергея Есенина. В 2005 году общественность отмечала восьмидесятилетие со дня гибели поэта, о причинах которой идут разные кривотолки еще до сих пор. Многие придерживаются версии, что смерть поэта была насильственной и что к ней каким-то образом был причастен и Тарасов-Родионов. Он оказался одним из известных в ту пору людей, кто общался с Есениным накануне его последней поездки в Петроград и оставил об этом свои воспоминания под названием «Последняя встреча с Есениным». В связи с восьмидесятилетием со дня гибели Есенина в России по Центральному телевидению был показан многосерийный фильм режиссера Игоря Зайцева «Сергей Есенин», в котором роль Тарасова-Родионова, как организатора убийства Есенина, сыграл молодой актер, заслуженный артист России Алексей Шевченков. Этот был явный поклев на известного советского писателя, и создателям этого фильма должно быть стыдно за такую версию, тем более что еще живы близкие родственники писателя и этим фильмом им нанесен огромный моральный ущерб.

Почти во всех литературных энциклопедиях, больших и малых энциклопедических словарях о писателе дается одинаковая, как будто под копирку сделанная короткая информация. К примеру, «Советский энциклопедический словарь», вышедший в издательстве «Советская энциклопедия» в Москве в 1980 году, на стр.1317 сообщает нам:

«Тарасов-Родионов А-др Игн. (1885–1938) – русский советский писатель. Чл. КПСС с 1905. Входил в литературную группу «Кузница»; один из организаторов РАПП. Произведения о революции, советской жизни: повесть «Шоколад» (1922), «Трава и кровь» («Линев»1924).

А вот «Литературный энциклопедический словарь», изданный в Москве в том же издательстве в 1987 году, который как бы по принадлежности должен был бы сообщить биографические данные о писателе, он о Тарасове-Родионове умалчивает вообще. Тарасова-Родионова мы не изучали в школе, о нем нам никогда не говорили на уроках преподаватели русского языка и литературы. Мы, поколение, рожденное перед самой Великой Отечественной войной или во время нее, ничего не знали об этом человеке. Как мы не знали и о многих его современниках. По этой причине ушли от нас вовремя не прочитанными: Андрей Белый, Александр Аросев, Исаак Бабель, Василий Наседкин, Александр Завалишин, Михаил Кольцов и многие, многие другие маститые писатели и поэты. И сегодня может показаться весьма диким то обстоятельство, когда, заканчивая среднюю сельскую школу в 1957 году, мы, выпускники, почти ничего не слышали и не знали даже о Сергее Есенине. Разве это не позор?! Первый раз мне удалось приобрести сборник стихов Есенина в 1959 году, когда он как-то случайно попался мне на глаза в одном из магазинов. И теперь в моей домашней библиотеке эта книга занимает самое почетное место¹. Так произошло и с Тарасовым-Родионовым. Не знали мы этого писателя и знать не могли. После того как его репрессировали в 1938 году, все произведения писателя были запрещены и изъяты с библиотечных и магазинных полок. Но, оказывается, никакими репрессивными мерами, вытравить из памяти людей писателя, которого когда-то любили, читали его произведения, невозможно. Ведь кто-то когда-то покупал его книги, зачитывался ими, хранил их в своем доме, а власть, объявив автора крамольным, не могла дойти до каждой квартиры. Так и жили произведения опальных писателей среди людей, невзирая на запрет властей. Неслучайно среди нашего умного и талантливого народа бытует до сих пор и будет бытовать вечно пословица: «Что написано пером, то не вырубишь топором».

* * *

Надо признаться, что автору этого повествования открыл писателя Тарасова-Родионова Виктор Владимирович Терлецкий, местный краевед, журналист, член Национального союза писателей, лауреат премии Огиевского, автор более десяти книг об Ушинском, Кулише, Максимовиче, Шевченко и других, известных не только на Украине, именитых людях. Однажды, во время моей очередной поездки на свою малую родину в украинский город Шостка Сумской области он спросил, не смогу ли я ему помочь найти ответ на вопрос: каким образом сестра Тарасова-Родионова Елена Игнатьевна оказалась в моем родном селе Богдановке в начале двадцатого столетия и преподавала в сельской школе? Этот вопрос поставил меня в тупик. А у краеведа имелись сведения о том, что действительно Елена Игнатьевна Тарасова-Родионова работала в Богдановской сельской школе. Уроженец этого села Петр Титович, с которым в свое время общался краевед Терлецкий, вспоминает: «Я оканчивал четырехклассную школу в с. Богдановка в 1912 году. Учительницей была Елена Игнатьевна Тарасова-Родионова. Ее брат Александр – писатель. Написал трилогию о Керенском. Был председателем Союза писателей до Максима Горького»². Вот такие были сведения о Тарасове-Родионове в то время на уровне села. Но Виктор Терлецкий еще поведал и о том, что не только Елена преподавала в этой сельской школе, но и другая сестра Тарасова-Родионова – Лидия. Все это меня заинтриговало, и по возвращении в Москву, пришлось глубоко и всесторонне заняться изучением биографии незнакомого ранее мне писателя Тарасова-Родионова. Пришлось обстоятельно поработать в разных архивах, в которых имелись хотя бы какие-то сведения о писателе, пообщаться с некоторыми его родственниками, которые, к счастью, еще живы и здоровы. Я вышел на труды некоторых нынешних исследователей жизни и творчества Тарасова-Родионова и с отдельными из

¹ «Есенин». Избранное. Изд. ЦК ЛКСМУ «Молодь», Киев, 1959.

² В. В. Терлецкий. «Род наш красный. Ушинский сквозь призму столетий», Сумы, изд. «Собор», 2001, стр.178.

них сумел пообщаться. И эти старания, на мой взгляд, были не напрасными. Об этом читатель может убедиться, прочитав до конца эту книгу.

* * *

В последнее время о Тарасове-Родионове вновь заговорили, в печати появились новые исследования жизни и творчества писателя. Появилось о нем немало материала и в Интернете, о котором мы лет десять назад не имели ни какого понятия. Весомый вклад в раскрытие этой темы внесен известными публицистами, историками Дмитрием Фельдманом и Анной Щербиной. Им удалось несколько «реанимировать» в сознании сегодняшнего поколения Тарасова-Родионова как писателя и общественного деятеля. В своей совместной статье «Грани скандала: повесть А. И. Тарасова-Родионова «Шоколад» в политическом контексте 1920 годов», опубликованной в 5-м номере журнала «Вопросы литературы» за 2007 год, они довольно крупными мазками нарисовали в целом более-менее полную биографию писателя, однако многие, весьма важные биографические данные автора «Шоколада» остались неосвещенными. Они пишут: *«Если верить справочным изданиям, он родился в семье землемера в 1885 году. В двадцать лет студент-юрист Казанского университета стал большевиком. Диплом он получил, сдав экзамены экстерном. Во время Мировой войны был мобилизован, закончил военное училище, был офицером. Служил под Петроградом, участвовал в февральских и октябрьских событиях 1917 года. В 1921 году Тарасов-Родионов, сделавший карьеру в армии, стал начальником и комиссаром Московских курсов командиров полков. С 1922 года – писатель. Он был одним из организаторов группы «Октябрь», затем – Российской ассоциации пролетарских писателей. Правда, его писательская карьера – после «Шоколада» – не слишком примечательна. Он опубликовал еще несколько повестей, печатал литературно-критические статьи в периодике, выпустил две книги романа-трилогии о гражданской войне. Но для критиков и большинства читателей оставался автором скандальной повести о чекистах. Все, что он публиковал позже, критики соотносили с «Шоколадом». В 1937 году Тарасов-Родионов арестован. Инкриминировали ему «измену Родине». Невинным признали уже посмертно – в 1956 году»³.*

Нет, все далеко не так. Арестован Тарасов-Родионов был в 1938 году а не в 1937 году, как утверждают авторы. И их информация о писателе настолько схематична, что по ней ни в коей мере нельзя представить настоящую его биографию.

В своей диссертации «Повесть «Шоколад» А. И. Тарасова-Родионова в контексте истории советской журналистики 1920-х годов», Анна Владимировна Щербина глубоко и всесторонне сумела проанализировать творческую деятельность Тарасова-Родионова в свете одного из главных его произведений, повести «Шоколад». Анализируя эту повесть, она не только осветила многие аспекты этого произведения, но и достаточно широко коснулась биографических данных писателя. В первой главе диссертации: «Две биографии автора «Шоколада», она, главным образом на основе автобиографии Тарасова-Родионова от 1 октября 1921 года, проанализировала его жизнь и деятельность. Однако в полной мере осветить биографию автора «Шоколада» Анне Владимировне, на наш взгляд, не совсем удалось. Вся биография Тарасова-Родионова, изложенная в диссертации, ограничилась лишь рамками данных, приведенных самим писателем в вышеуказанной автобиографии. Как жил и работал писатель после выхода в свет «Шоколада», чем он занимался потом, как сложилась его судьба, осталось за рамками исследования. Но, судя по теме диссертации, изложение биографии Тарасова-Родионова не являлось главной задачей автора, если бы не было в ней первой главы: «Две биографии

³ Д.Фельдман, А. Щербина: «Грани скандала: повесть А.И.Тарасова-Родионова «Шоколад» в политическом контексте 1920-х годов», жур. «Вопросы литературы», № 5, 2007.

автора «Шоколада», читая которую мы так до конца и не разобрались, о чем здесь идет речь? Конечно, мы понимаем, что диссертант имела ввиду не биографию Тарасова-Родионова, официально оформленную в имеющихся документах, а другую, ту, которая сложилась по жизни и была доступна только ему. Но ни ту, ни другую биографию писателя автору диссертации, уважаемой Анне Владимировне Щербине, в полной мере до читателя, на наш взгляд, довести не удалось.

Заметный вклад в освещение биографии Тарасова-Родионова внес и Владимир Брюханов, русский историк, проживающий в Германии. Он опубликовал в журнале «Литературный европеец» № 156, единственном русском журнале, выходящем с 1998 года в

Европе (Германия), свою статью «Пропавшие грамоты», в которой отвел немало места биографии Тарасова-Родионова, хотя в ряде мест она не совсем объективна, о чем будет сказано ниже.

Тарасов-Родионов Александр Игнатьевич сам оставил для потомков несколько своих автобиографий. Это его подробная автобиография, напечатанная мелким шрифтом без интервалов на 6-ти листах, хранящаяся в архиве РГАСПИ, в фонде 303, опись 1, дело 1, датированная 1 октября 1921 года, взятая за основу в диссертации А.В. Щербиной. Это также его автобиография, написанная по просьбе Евдоксии Федоровны Никитиной⁴ для задуманного ею словаря «Писатели современной эпохи»⁵. Первый том словаря вышел в Москве в издательстве «ГАХН» (Государственная академия художественных наук) в 1928 году, под редакцией выдающегося историка и литературоведа Б. П. Козьмина. И в нем, на страницах 248–249, опубликована биография Тарасова-Родионова. Надо отметить, что это была первая опубликованная в литературном словаре прижизненная биография писателя, которой он, несомненно, гордился. Эта биография – переработанный вариант его автобиографии, когда-то посланный им Евдоксии Федоровне для словаря «Писатели современной эпохи». Но дело в том, что этот словарь прожил очень короткую жизнь и в год своего выхода был изъят из обращения. А причина его изъятия достаточно полно объяснена в предисловии, выпущенного в свет в 1995 году второго тома биобиблиографического словаря под редакцией Н.А. Богомолова. В предисловии редактора издания говорится: *«Любому исследователю русской литературы известен библиографический словарь «Писатели современной эпохи» под редакцией Б.П. Козьмина, несмотря на то что он был изъят вскоре после издания и долгие годы оставался в спецхранах крупнейших библиотек. Причина изъятия очевидна: составители осмелились включить в текст сведения о литературной деятельности Л.Д.Троцкого, и то, что было сомнительно, но все-таки допустимо в 1928 году, через пару лет стало уже совершенно неприемлемым. Но если внимательнее присмотреться к той книжке, то понимаешь, что, даже если бы злосчастной статьи не было, все равно в тридцатые годы словарь непременно был бы запрещен. Слишком много туда попало биографий врагов народа, эмигрантов и прочих, нежелательных авторов. Но если представить, что и их не осталось, – все равно словарь был бы крамолен своим объективизмом, отсутствием сугубо классовых и политических оценок. С равным беспристрастием авторы пересказывали биографии какого-нибудь затерянного на страницах провинциальных газет очеркиста и метра современной литературы, верного рапповца и крамольного расстрелянного Гумилева»⁶.*

⁴ Е.Ф. Никитина (1895–1973), российский литературный критик, редактор и организатор литературной жизни. Организатор известных «Никитинских субботников» в Москве. Автор сборника стихов «Росы рассветные» (Ростов-на-Дону, 1919), сборников статей «Русская литература от символизма до наших дней», «В мастерской современной художественной прозы (в 2-х т.) и др.

⁵ Автобиография А.И.Тарасова-Родионова, ЦГАЛИ, Ф.341, ед. хр.4.

⁶ «Писатели современной эпохи», биобиблиографический словарь, том 2. Русское библиографическое общество Экспресс-Принт НВ, М. 1995.

Верно, в год выхода в свет словаря, в январе 1928 года Троцкий был отстранен от власти и выслан в далекую Алма-Ату. И многие, кто тогда тесно сотрудничал с Троцким, становились врагами народа. И вдруг тут литературный словарь, пропагандирующий Троцкого! Конечно, его запрещают и передают в спецхран. Поэтому многим современникам словарь был тогда недоступен. И только в 1992 году усилиями патриотов российской культуры в совместном российско-французском издательстве «ДЭМ» воспроизводится тот прежний словарь 1928 года «Писатели современной эпохи», где Тарасов-Родионов представлен достаточно широко для такого словаря. Автобиография, посланная в свое время Тарасовым-Родионовым Никитиной, была в его редакции опубликована только в 1990 году, в историческом альманахе «Минувшее», том 11, Париж, «Atheneum».

Но опять же все эти биографии ограничены рамками 1921–1926 годов.

Имеется также биография писателя, написанная его младшим сыном Виктором Александровичем в октябре 1957 года, хранящаяся в РГАЛИ, фонд 2504., но и она не раздвинула должным образом рамки его биографии после 1921 года.

* * *

Изучая жизнь и деятельность Александра Игнатьевича Тарасова-Родионова, нам удалось несколько больше узнать о нем и установить, что он был связан с украинским Полесьем. Его мать, Любовь Павловна, в девичестве Жайворонко, была родом из села Богдановка Новгород-Северского уезда Черниговской губернии, ныне Шосткинского района Сумской области, откуда родом и сам автор этого повествования. Фамилия Жайворонко с давних пор существовала в Малороссии. Известный историк Александр Матвеевич Лазаревский (1834–1902) в своей книге «Описание старой Малороссии. Полк Неженский» (1893), отмечает, что *«в селе Богдановке помимо других домов стоял дом «коллежского асессора Жайворонкова», то есть прямого предка матери Александра Игнатьевича. Автору приходилось не раз в детстве слышать от людей старшего поколения воспоминания о помещице Жайворончихе, как между собой ее звали селяне, родной матери Александра Игнатьевича. А мой родной дядя, Петр Акимович, как-то при встрече, спустя многие годы, рассказывал мне о том, как он в 20-х годах прошлого столетия по просьбе помещицы Жайворончихи перекрывал крышу ее дома железом и получил от нее достойное вознаграждение, так как в цене сделанной работы она не очень-то разбиралась»*.

* * *

Александр Игнатьевич Тарасов-Родионов родился 8 октября 1885 года в Астрахани, на юге России. Этот город в жизни будущего писателя оказался чисто случайным. Его отец, частный землемер Игнатий Семенович, проживавший в Казани, решил со своей молодой женой, Любой, которую не так давно привез из Малороссии в свой родительский дом, проплыть на пароходе по Волге до портового города Астрахань, находящегося в устье великой русской реки, и показать ей все прелести, чудную красоту здешних мест. Начало октября в тот год на редкость был бархатно теплым, солнечным, и проплыть неделю по Волге на пароходе было огромным удовольствием. Особенно поражали своим величием чарующие, высокие крутые волжские берега, мощь и ширь реки, бездонное голубое небо над ней, отражающееся в воде. Игнатий много рассказывал жене об истории края, о достопримечательностях, встречавшихся по пути, показал, проплывая Жигули, крутой утес, который в народе называют утесом Стеньки Разина. Здесь, говорят, он часто отдыхал со своими дружками после удачных походов на своих расписных челнах по Волге.

Игнатий все делал для того, чтобы его малороссийская избранница душой и телом прикипела к этим, чужим для нее, местам.

Люба в ту пору была беременна, и надо же так случиться, что по прибытии в Астрахань ей пришлось рожать. Буквально у трапа парохода, у нее начались схватки. Неопытный в этих делах, ее молодой муж сразу же обратился за помощью к стоящему на пристани жандарму. Тот тут же остановил проезжающую рядом пролетку и направил возницу вместе с роженицей в ближайшую больницу. Вот так в одной из больниц города и появился на свет их первенец, названный Сашей. А город Астрахань стал ему родным, хотя в нем ему больше никогда не приходилось бывать.

Отец писателя, Игнатий Семенович, происходил из старообрядческой мещанской семьи города Казани и жил в собственном доме на отдаленной окраине города, в слободке Гривка, доставшемся ему по наследству от отца. Теперь это место называется улицей Односторонней Гривки Новосавинского административного района города Казань. Был Игнатий образованным человеком, хорошим семьянином, имел специальность землемера, которая давала ему возможность безбедно содержать семью. В семье кроме старшего сына Александра еще имелось шестеро детей, воспитание которых легло на плечи матери.

Будучи уроженкой Черниговской губернии, представительницей мелкопоместного помещичьего дворянства, Любовь Павловна ощущала разницу уровня жизни здесь и на Украине и постоянно ностальгировала по этому поводу. Она часто предлагала мужу переехать на постоянное место жительства в ее родную Богдановку, где можно было бы безбедно жить. Однако Игнатий Семенович долго не соглашался, ему было дорого Поволжье, где родился и вырос и которое сильно любил. Но в конце концов верх взяла жена, и он дал согласие на переезд. В 1890 году, когда Александру исполнилось пять лет, они переезжают на Черниговщину, в родовое имение родителей Любы село Богдановка. В двенадцати километрах от села располагался, и работает до сих пор, построенный в 1780 году по велению императрицы Екатерины II пороховой завод. Он был одним из значительных предприятий России в ту пору. Одним из ярких командиров завода в свое время был генерал-лейтенант Гербель Василий Васильевич. На эту должность он был назначен в 1832 г. и занимал ее в течение 17 лет, приведя завод в образцовое состояние. Полуразвалившиеся деревянные постройки были заменены новыми – каменными, болота и грязные овраги превратились в тенистые сады, улицы – в красивые аллеи. Все это достигалось Гербелем без особенных затрат для казны, лишь благодаря его хозяйственным способностям. За отличное управление заводом он был награжден орденами Святой Анны 1-й ст. с короной и св. Владимира 2-й ст. со звездой и произведен в генерал-лейтенанты (1845), а за устройство капсюльного завода получил орден Белого Орла. Уместно отметить, что его сын, Николай Васильевич Гербель (1827–1883), гвардейский офицер, был в свое время известен как поэт-переводчик, и прежде всего переводчик и популяризатор «Слова о полку Игореве», а также как издатель сочинений Байрона, Шиллера, Шекспира, Гофмана, подцензурного Пушкина, Тараса Шевченко. В своих сочинениях Николай Васильевич Гоголь много раз вспоминает о Николае Гербеле, с которым дружил.

На Шосткинском заводе после проведенной в 70-х годах XIX столетия реконструкции значительно выросла численность рабочих и инженерно-технического состава. Образованному, опытному Игнатию Семеновичу устроиться на завод особого труда не представляло. В 1890 году он стал работать на заводе по своей специальности землемера и проработал в настоящей должности около трех лет.

Завод выделил семье Игнатия Семеновича казенное жилье в Шостке. Но Любовь Павловна большую часть времени вместе с детьми, а их к тому времени у нее было уже трое, проводила в Богдановке, в доме своих родителей, занимаясь воспитанием детей, и помогая матери в ведении домашнего хозяйства. У тестя Игнатия Семеновича – помещика Павла Жайворонко – было большое хозяйство, много скота, обрабатывалось несколько десятин земли. Его огром-

ный дом стоял в центре села, рядом с белокаменной церковью, построенной в честь Рождества Пресвятой Богородицы. За домом теснился огромный фруктовый сад, где росли лучших сортов яблони, груши, сливы и другие фруктовые деревья. В дом часто заезжала местная знать из Шостки, Новгорода-Северского, Глухова. В трех километрах от села, в хуторе Богданка находилась летняя резиденция известного русского новатора-педагога Константина Дмитриевича Ушинского. Конечно, к приезду в эти края Игнатия Семеновича педагога Ушинского уже не было в живых. Он скончался в Одессе в 1870 году и был перезахоронен в Киеве на территории Киево-Видубицкого монастыря, но память о нем настолько жива в этих местах, что не только тогда, через десять лет, а уже и теперь, почти через полтора столетия, она не перестает быть более значимой. Более того, возле церкви Пресвятой Богородицы в родном селе Любы, Богдановке, был похоронен родной сын великого русского педагога Павел Ушинский, трагически погибший на охоте в августе 1870 г. А ему тогда было всего лишь семнадцать лет. Будучи курсантом кадетского училища, он летом 1870 года приехал к бабушке в село в отпуск и там «остался» навсегда. Он был случайно убит из ружья на охоте. Торжественно, с почестями похоронили Павла в кирпичном склепе в тесовом гробу у стен богдановской церкви Рождества Пресвятой Богородицы. При советской власти церковь закрыли, в ней организовали колхозный склад и сельский клуб, а когда в августе 1943 года фашисты, отступая, сожгли село, жители кирпичную ограду вокруг церкви разобрали на постройку жилищ, вековые деревья: липы, тополя, вязы спилили на дрова. Но последняя точка в разрушении богдановской церкви по решению советских властей была поставлена уже в 1960 году. В тот самый период, когда в стране как бы наступила хрущевская «оттепель», в один из дней в селе, по требованию вышестоящих властей, появилась саперная рота, солдаты которой заложили под церковь динамит и белокаменную красавицу взорвали.

*«Но купол все же не свалили,
И он, как будто нам в укор,
Облезлый, ржавый, грязный, в пыли
Стоит еще до этих пор»⁷.*

Не верите? Приезжайте в село Богдановка, и вы увидите это «чудо»! Вместе с церковью был уничтожен и некрополь вокруг нее, где были похоронены видные граждане села. Под обломками церкви затерялась навсегда и могила Павла Ушинского, старшего сына знаменитого русского педагога, и могилы родственников Тарасова-Родионова по линии матери.

Рассказ об Ушинских в данном повествовании не случаен. Дочь великого педагога Надежда Константиновна позже сыграет немалую роль в судьбе родных сестер Александра Игнатьевича Тарасова-Родионова – Елены и Лидии, которые в самом начале двадцатого столетия работали учителями в Богдановской школе, построенной усилиями и на собственные деньги дочери педагога, Надежды Ушинской.

* * *

И все же не по душе было новое место Игнатию Семеновичу: своего дома не было, жить на правах примака ему не нравилось, начали возникать трения с тещей, а самого его очень тянуло на Волгу, на ее бескрайние просторы. И в один из дней он решает вернуться в родные края, о чем сообщает жене. Любовь Павловна и сама видела стенания мужа, чувствовала его грусть по родным волжским местам, поэтому не стала ему перечить. И в 1893 году они вновь

⁷ Н.М. Захарченко. «Возвращение к истоку». Стихотворения. ЗАО «Редакция газеты «Московский Север», АОЗТ «Кодекс-М», М., 2000, стр.8.

возвращаются в Казань, в старый отцовский дом, что стоял в районе слободской Гривки. Там, через год, в сентябре 1894 года, Александр Тарасов-Родионов поступает в первый класс казанской классической гимназии. К поступлению в гимназию он усердно готовился, родители в этих целях наняли для него репетитора. В одной из автобиографий он пишет, что к поступлению в гимназию готовил его студент Александр Прохорович Прохоров, который его *«первым натолкнул на свободолобивые идеи и познакомил с произведениями Писарева»*⁸. В другой автобиографии он подчеркивает: *«благодаря хорошим способностям, учение давалось мне чрезвычайно легко, и я отличался среди своих сверстников начитанностью, инициативой и сметливостью»*⁹.

Когда он перешел в четвертый класс, семью постигло большое горе. От скоротечной чахотки умирает отец. Александру, самому старшему в семье ребенку, шел в ту пору тринадцатый год, а в семье на то время было помимо него еще шестеро детей мал мала меньше. Как быть в такой ситуации? Семья осталась без средств существования. Любовь Павловна решает: пусть сын окончит гимназию, а после всей семьей они переедут на Украину. В это время Александр не только ходит на занятия в гимназию, но, чтобы помочь материально семье, начинает кое-где подрабатывать. Учась в четвертом классе гимназии, он уже сам начинает заниматься репетиторством, готовя к поступлению в гимназию других казанских ребят. Эта его работа была успешной и приносила доход семье. Дело дошло до того, что он был вынужден с окраинной слободы Гривки переместиться жить ближе к центру города, чтобы лучше сочетать учебу в гимназии и репетиторство. Одним словом, Александр начинает самостоятельную жизнь. Он ставит себе в заслугу то, что первым его учеником в деле репетиторства был *«сын купца, второклассник Костя Смоленцев, парень раза в два выше меня ростом, который стал якобы профессором химии в Казанском университете»*¹⁰.

Успешно окончив в 1903 году гимназию, Александр заявляет матери, что он передумал ехать с ней на Украину, как планировалось раньше, а будет поступать в Казанский университет. Мать была расстроена таким заявлением сына, но, в конце концов, согласилась с его решением. Она пообещала ему: до поступления в университет останется в Казани, а при его зачислении в ВУЗ уедет с остальными детьми в Богдановку. На том и порешили. Александр успешно выдержал вступительные экзамены в университет и был зачислен студентом юридического факультета. Уладив все формальности с сыном по дальнейшему его месту проживания, по устройству быта, Любовь Павловна, благословив Александра на самостоятельную жизнь, осенью 1903 года с шестью своими малыми детьми возвращается на постоянное место жительства в Богдановку, и больше в Казань не возвращается. Но встречи со старшим сыном у нее еще будут.

* * *

Итак, в 1903 году А.И. Тарасов-Родионов – студент юридического факультета. Он, как признается сам, сильно любил математику, но *«стремление узнать и изучить законы живого человеческого общества взяло верх над влечением к организационным изучениям абстракции»*¹¹.

На первом курсе университета он увлекся изучением политической экономии известного английского экономиста Давида Риккардо, написал и защитил реферат на эту тему.

⁸ А.И.Тарасов-Родионов. «Автобиография, составленная для словаря Е.Ф.Никитиной «Писатели современной эпохи». ЦГАЛИ, Ф.341, ед. хр. 4.

⁹ А.И.Тарасов-Родионов. Автобиография. РГАСПИ, ф.303, оп.1, д.1, л.12

¹⁰ А.И.Тарасов-Родионов. «Автобиография, составленная для словаря Е.Ф.Никитиной «Писатели современной эпохи». ЦГАЛИ, Ф.341, ед. хр. 4.

¹¹ А.И.Тарасов-Родионов. Автобиография. РГАСПИ, ф.303, оп.1, д.1, л.12

Ректором Казанского университета в ту пору был известный русский ученый, профессор кафедры астрономии и геодезии университета Дмитрий Иванович Дубяго.¹²

На должность ректора он был назначен на рубеже веков – 21 июля 1899 года. Профессор приложил немало сил, чтобы Казанский университет занимал достойное место среди ведущих российских университетов. Но годы его ректорства были крайне беспокойны как для Казанского университета, так и для всей России: неудачная Русско-японская война, студенческие волнения, революция 1905 года.

Ректор Казанского университета в 1905 г Д.И. Дубяго

И с этим трудным периодом совпал юбилей Казанского университета, которому 5 ноября 1904 года исполнилось сто лет¹³. Учитывая это, 13 сентября 1904 года университет был уведомлен о том, что *«Государь Император Высочайше соизволил на отложение празднования юбилея Казанского университета на неопределенный срок ввиду продолжающихся действий на Востоке»*¹⁴. (уже шла война с Японией – *Н.З.*). Однако, как это часто бывает у нас в России, местные и университетские власти «продолжающиеся действия на Востоке» посчитали не

¹² Д.И. Дубяго (1849–1918), русский астроном, основатель и первый директор обсерватории им. В.П.Энгельгардта возле Казани.

¹³ 5 ноября 1804 года Александр I подписал Указ о создании Казанского университета.

¹⁴ «Ученые записки Казанского университета», 1905 год.

столь уважительной причиной, чтобы отменять давно намеченное мероприятие, на подготовку которого было затрачено много сил и времени, усиленно готовились к его проведению. В тоже время на празднование юбилея университета Высочайшим повелением Казанскому университету было отпущено 13 075 рублей. Значит, праздник разрешен!

5 ноября 1904 года юбилейное заседание в университете проходило пышно и торжественно. В актовом зале собрались представители городской знати, общественности, профессорско-преподавательский состав, студенты. И в самый разгар торжества в зал, где проходит заседание, врывается группа студентов с красным флагом и, громко распевая революционные песни, увлекает многих студентов, находящихся в зале, за собой на улицу. В числе других к этой группе присоединяется и Тарасов-Родионов. Ректор Д. И. Дубяго вспоминает: «В университете случился беспорядок, который потряс меня физически и морально. Вот что произошло в университете: в середине акта в переполненный зал ворвалась кучка студентов и сначала робко, а потом громко закричала «долой инспекцию, долой самодержавие» и т. д. и начали произносить свои речи. Я объявил перерыв, пошел в толпу, останавливая говоривших, предлагая очистить зал, а они, в свою очередь, теснили меня назад. Затем выбежали на площадь, там развернули красное знамя»¹⁵.

Для усмирения не в меру разбушевавшихся студентов пришлось вызывать конную полицию. Со студентами расправились бесцеремонно и жестоко. Многие из них получили увечья и травмы, почувствовали жгучую боль от жандармской нагайки. Евгений Евтушенко в своей поэме «Казанский университет» весьма колоритно описал расправу над студентами этого университета, правда произошедшую на несколько лет раньше, в 1897 году, но и теперь она повторилась точь-в-точь:

*Студентов кони дают,
и, сжата в пятерне,*

¹⁵ Письмо Д.И. Дубяго к В.П. Энгельгардту от 6 декабря 1904 г. Кн. «Ректоры Казанского университета». Казань, 2004.

*нагайка смачно ставит
отметки на спине.*

*И что призыв к прогрессу,
и что наивный бунт,
когда в нагайке весу,
пожалуй, целый фунт¹⁶.*

Отведать вкус нагайки пришлось и Тарасову-Родионову. Местные полицейские околотки были переполнены задержанными, среди них находился и он. Но в суматохе первых минут задержания ему удалось сбежать. «Я, – вспоминает он, – был избит нагайкой конного полицейского, арестован и отведен в полицейский участок, откуда тотчас же бежал, применив дерзкую хитрость»¹⁷. А какую хитрость он применил, осталось тайной. В отличие от удачно бежавшего Тарасова-Родионова другие студенты поплатились месячным тюремным заточением, многие были взяты под надзор полиции, а некоторые просто отчислены из университета.

Несмотря на то что Тарасов-Родионов был избит и задержан, ему было приятно сознавать тот факт, что он стал причастен к событиям, взбудоражившим весь город, что наравне с другими смело и решительно отстаивал свои права, боролся за равноправие и справедливость. Это укрепило его в правоте своих действий, и он решительней становится на путь более активного участия в революционной борьбе. Первым его шагом на этом пути было вступление в университетский социал-демократический партийный кружок, в котором он за короткое время становится лидером. Не случайно, заполняя 1 июля 1921 г. анкету, «Личный листок» Московского комитета РКП(б), на вопрос: какой партийной организацией принят в члены РКП (больш.), он отвечает: «Казанской организацией, студенческим кружком Р.С.Д.Р.П. в 1905 году, 26 января»¹⁸.

* * *

9 января 1905 года, которое вошло в историю, как Кровавое воскресенье, послужило началом буржуазной революции в России. В тот день 140 тыс. петербургских рабочих, обманутых тайным агентом царской охранки священником Г. Гапоном, в мирном шествии направились к Зимнему дворцу, чтобы вручить царю петицию о своем тяжелом положении. По мирной демонстрации был открыт огонь. «Войска расстреливали их в упор, не щадя стариков, женщин, детей. Более тысячи человек было убито, около 5 тыс. ранено – такова была цена мучительного прозрения пролетарских масс»¹⁹. Ровно через двенадцать лет, а именно в январе 1917 года, волей судьбы оказавшись на Дворцовой площади в Петербурге, Тарасов-Родионов с огромной грустью вспоминает: «Вот здесь же, об эту пору, двенадцать лет тому назад белая жрчатка офицера сверкнула зеркалом сабли и треснул залп, и треснул снова, раздался дикий иступленный крик, тревожно закаркали взлетевшие с деревьев галки, и кто-то тихо, бессильно завыл, прижимая к замерзшей каменной тумбе навывлет достреленный рот с раскрошенным месивом зубов. И морозною ночью какие-то черные тени при шашках и свистках свезли на санях штабелями и наспех зарыли в мерзлых ямах две тысячи закоченевших трупов»²⁰

¹⁶ Е.А. Евтушенко. «Мама и нейтронная бомба и другие поэмы». М., «Советский писатель», 1983, стр. 104.

¹⁷ А.И.Тарасов-Родионов. Автобиография. РГАСПИ, ф.303, оп.1, д.1, л.12.

¹⁸ Личный листок члена М.К.Р.К.П.(Б-ов). РГАСПИ, ф.3093, оп.1, д.1, л.10

¹⁹ История СССР, т.2, изд. «Мысль», М., 1965, стр.404.

²⁰ А.И.Тарасов-Родионов. «Февраль», изд. 2-ое, издат. «Федерация», М., 1931, стр.22–23.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.